

А. А. Гусейнов¹

ЧТО ТАКОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО?

Постановка вопроса

Одно из возможных прочтений темы очередных Международных Лихачевских чтений «Глобальные вызовы и национальные интересы» состоит в следующем: в рамках национальных интересов невозможно дать адекватный ответ на глобальные вызовы. Национальных интересов много, так же много, как и наций, число которых, даже если взять за единицу нацию-государство, превышает две сотни. И, самое главное, их число имеет тенденцию к возрастанию. Они в каждом случае, даже если иметь в виду самые большие нации, представляют ограниченную совокупность людей на ограниченной территории и в масштабах человечества и планеты в целом имеют частную, локальную природу. Вызовы же, о которых идет речь, глобальны, являются угрозой для планеты и всего человечества. Для ответа на них субъектом действия должно выступать само человечество в своей естественной ответственности за условия жизни на Земле. Возможно ли это, и если да, то каким образом? Вот вопрос, который требует теоретического осмысления и практического решения.

1. Прежде всего следует отметить, что нации, ограниченные своими интересами, не могут сложиться в некое целое (единство), способное действовать солидарно (в рамках единого плана) даже перед лицом общей для всех угрозы. Это невозможно и по определению и по факту.

По определению невозможно, так как каждой нации свойственно в такой же мере объединять входящую в ее состав совокупность людей поверх их семейных, племенных, этнических, расовых и иных различий, в какой и изолировать, разделять, отличать, противопоставлять их другим нациям. Здесь действует своего рода диалектика: объединение через обособление и противопоставление. Как отмечают специалисты, оппозиция «свои–чужие» свойственна любой коллективной идентичности, для национальной же идентичности она является базовой; неслучайно особенно напряженными и чреватými конфликтами оказываются отношения между приграничными и близкородственными народами. Как часть не может быть равна целому, так и интерес нации не может совпадать с интересом человечества, если последний вообще существует. Нации не могут выстроить свое бытие на основе и в логике глобальных вызовов; даже в тех случаях, когда им выгодно представлять глобальные интересы, быть, как говорится, локомотивами истории,

¹ Научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Социальная природа нравственности», «Золотое правило нравственности», «Великие моралисты», «Язык и совесть», «Философия, мораль, политика», «Античная этика», «Негативная этика», «Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней». Ответственный редактор ежегодника «Этическая мысль», журнала «Общественные науки» (на англ. яз.), член редколлегии журналов «Философские науки», «Вопросы философии». Вице-президент Российского философского общества. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Почетный доктор СПбГУП.

они делают это исходя прежде всего из своих особых интересов, руководствуясь стремлением к самосохранению и расширению своих возможностей в качестве данной нации. В деятельности нации, сопряженной с глобальными вызовами, на первом месте стоит ее выгода, а не благо человечества. Доказательством этого может служить отношение к такой сугубо рукотворной глобальной угрозе, как опасность самоуничтожения, которую несет с собой ядерное оружие: обладающие им государства смотрят на это оружие с точки зрения собственной безопасности и превосходства, а вовсе не в общечеловеческой перспективе, и всячески оберегают свою монополию на него. Этой же логикой руководствуются страны, которые не имеют ядерного оружия и стремятся всеми правдами и неправдами приобрести его.

Нации не могут сложиться в глобальное целое также по факту, о чем свидетельствует реальная политика государств, рассматриваемая в контексте процессов глобализации. В связи с этим бросаются в глаза две тенденции. Во-первых, каждая страна старается использовать открывающиеся в ходе глобализации возможности для получения конкурентных преимуществ и захвата лидирующих позиций в мире, стремится выдать свои национальные интересы за глобальные, в чем сегодня особенно преуспела одна заокеанская держава. Во-вторых, неизбежно возникающие в ходе глобализации ситуации социально-политической нестабильности (неопределенности, подвижности, изменчивости) порождают центробежные (не центростремительные, как можно было бы ожидать, а именно центробежные) тенденции, становятся поводом и источником не объединения и укрупнения этнонациональных общностей, а, напротив, разъединения, обособления, реализации неудовлетворенных национальных претензий на самостоятельность. Существуют опыты объединения национальных усилий во всемирном масштабе с целью обеспечения безопасности (ООН), совместной борьбы за сохранение окружающей среды (саммиты Земли, климатические форумы и др.). Эти опыты ценны, поскольку нет ничего другого, но они вторичны по отношению к национальным интересам и по своей эффективности несоизмеримы опасностям, которым призваны противостоять.

2. Часто в общегуманитарном дискурсе мы используем понятие человечества: говорим от имени человечества, делаем что-то ради человечества, скорбим по человечеству, гордимся человечеством, разочаровываемся в нем. Что подразумевается под этим словом? и заключают ли такого рода апелляции к человечеству, рассуждения от его имени конкретное и ответственное содержание или они представляют собой красивые фигуры речи, которые имеют лишь превращенное (риторическое, демагогическое или иное) значение?

Человечество представляет собой прежде всего биологическую популяцию определенного вида — человека разумного, совокупность всех живущих и жив-

ших когда-либо на земле индивидов, представляющих этот вид. Оно, как считается, венчает биологическую эволюцию и переводит свое бытие в социальную форму, создает вторую, надбиологическую среду своего обитания — культуру, которая производится, поддерживается и наследуется индивидами и их объединениями в процессе их прижизненной активности и закрепляется в символических формах информации. Человечество есть синтез биологического и социального, оно является таковым и на уровне популяции в целом, и на уровне каждого человеческого индивида: благодаря искусственно создаваемой социальной среде оно как вид победило в борьбе за существование и превратило планету в свою экологическую нишу; каждая человеческая особь является жизнеспособной и реализует свое деятельное существование благодаря соединению генетической информации с культурной.

Среди специалистов нет бесспорного единства по вопросу о том, было ли происхождение человека однократным процессом и, возникнув в одном месте (в восточной Африке), люди расселились по всей планете, или оно происходило многократно в разных частях света. Что касается социальной эволюции, то мы можем уверенно утверждать, что это был многократный процесс и в какой-то мере он все еще остается таковым. Культурное развитие проходило по различным самостоятельным и независимым друг от друга линиям, которые, как маленькие ручейки, соединялись между собой, образуя большие полноводные реки. По такой схеме, вероятнее всего, возникали известные нам, в том числе дошедшие до наших дней, цивилизации, каждая со своей автохтонной историей становления и развития, которые, кстати сказать, первоначально и складывались вдоль больших рек.

В социально-культурном развитии человечества удивительно то, что оно, хотя и осуществлялось в форме различных самостоятельных цивилизаций, тем не менее протекало по неким общим законам и сопоставимым друг с другом линиям, проходило через одни и те же стадии, идентичность которых особенно высока в случае форм производства (собирачество, охота, земледелие, скотоводство, индустриальное развитие). Даже деление на исторические периоды (древность, Средние века, Новое время) оказывается универсальным и с теми или иными уточнениями применимо к каждому потоку цивилизационного развития. Оставляя в стороне вопрос о роли взаимных влияний, которые в какой-то форме все-таки имели место, и даже допуская, что этих влияний было больше, чем мы сегодня знаем, следует признать, что такая выровненность линий развития свидетельствует об объективности социальной эволюции, позволяет осмыслить ее как процесс, который протекает независимо от состава, целей и сознательных усилий участвующих в нем людей, хотя и реализуется через их деятельность.

3. Оставляя в стороне сложный вопрос сочетания биологической эволюции и социального развития, принимая в качестве очевидного то, что социальное развитие человечества продолжает биологическую эволюцию или надстраивается над ней, но в любом случае протекает автономно и несравнимо динамичнее, чем

природный процесс в человеке, следует заметить, что глобальные вызовы и опасности имеют если не исключительно, то преимущественно социальную природу и требуют именно социальных (общественных) решений. С этой точки зрения важно отметить еще две особенности исторического развития человечества в форме отдельных самостоятельных цивилизаций.

Одна особенность состоит в том, что каждая цивилизация формировалась, укреплялась, расширялась в борьбе, в том числе и даже в первую очередь насильственной, между входившими в ее орбиту обществами (странами), а также между социальными группами внутри этих обществ (стран). И в настоящее время продолжается скрытая и явная борьба народов и государств за доминирование, господство в рамках своего цивилизационного пространства. Как бы то ни было, к современному состоянию цивилизации пришли с огромным опытом войн и социального насилия, с глубоко укорененными и всесторонне поддерживаемыми убеждениями и привычками силой защищать свои интересы. Неслучайно из представленных сегодня в мире цивилизаций, сопоставимых по своим масштабам и историческим претензиям, по крайней мере четыре (европейская в двух относительно самостоятельных подвариантах — западном и российском, Китай и Индия) уделяют первостепенное внимание вооруженному потенциалу и обзавелись ядерным оружием. А еще одна (пока разрозненная внутри себя и не имеющая несомненного лидера) — исламская цивилизация — также идет в этом направлении, компенсируя свое отставание в привычном вооружении таким необычным, но чрезвычайно эффективным средством насилия, как терроризм.

Другая особенность заключается в том, что каждой цивилизации соответствует своя культура, имеющая всеобщую природу. Каждая из них мыслит себя как универсальный исторический проект, выражение всечеловеческой и безусловной истины. Цивилизация порождает, получает продолжение и закрепление в общемировой культуре, как если бы вообще она была единственной или, по крайней мере, самой достойной. Единого, исторически целостного человечества в реальности не существовало в прошлом и не существует и сегодня. Но оно существовало идеально, в форме культуры. У каждой цивилизации есть своя идея человечества, позволяющая ей мыслить себя центром и средоточием мира. Касаясь старого спора о соотношении культуры и цивилизации, следует заметить, что культура выражает дух цивилизации, закрепляет ее претензии на всеобщность и универсальность, а тем самым и несовместимость с другими цивилизациями. Культура, словно панцирь, придает каждой из цивилизаций герметичность, позволяющую и даже принуждающую сознавать себя не как одну из многих (или нескольких), а как единственную.

4. Цивилизации, развивавшиеся до настоящего времени каждая своим путем, в рамках своего культурного оформления, исторической инерции, более или менее локально очерченной территории сошлись, уперлись «головами» друг в друга, в результате чего их существование в прежних автономных режимах

оказывается более невозможным и их дальнейшая судьба будет зависеть от того, смогут ли они подняться над самими собой и обрести устойчивость под единым куполом. Глобализация, этот набирающий силу тренд современного мирового развития, является попыткой перехода от многотысячелетнего процесса развития человечества в форме отдельных цивилизаций к его существованию в качестве единой цивилизации или суперцивилизации. Успех такого перехода вовсе не предзадан. Конечно, всякий переход наряду с возможностями заключает в себе и риски, и в этом смысле человеческое будущее (и отдельных индивидов, и общества в целом) всегда было и остается вероятностной величиной, однако степень такой вероятности различна, в настоящее время она (по крайней мере в том, что касается будущего человечества) принципиально меньше, чем когда-либо раньше. Ведь глобальные угрозы глобальны не только в том смысле, что касаются всех, но и в том, что они угрожают самому существованию человечества.

Прошло более 20 лет с тех пор, как С. Хантингтон высказал мысль о столкновении цивилизаций как одном из признаков начавшейся новой эпохи в международных отношениях. Речь, в частности, шла о том, что после холодной войны линией разделений в международных конфликтах становятся не идеологии, а культуры, и что сами конфликты из внутрицивилизационной сферы перемещаются в межцивилизационную. Оценивая эти утверждения, исходя из опыта постсоветской России, можно заключить, что первое из них оказалось верным, второе — нет. В самом деле, полный отказ России от идеологической конфронтации с Западом, как и от самой побуждавшей к такой конфронтации идеологии, и переход в своих идейных и ценностных приоритетах на позиции Запада не изменил архитектоники ее отношений с Западом, которая остается конфронтационной. В то же время конфликты на постсоветском пространстве, которые можно охарактеризовать как внутрицивилизационные, не исчезли и скорее усиливаются, чем ослабевают. В этом отношении показателен следующий пример. В качестве иллюстрации своего тезиса, что конфликты переходят в межцивилизационную сферу, Хантингтон ссылается на опыт преодоления назревавшего военного столкновения между Украиной и Россией в начале 1990-х годов и замечает, что «это два славянских, по большей части православных народа, на протяжении столетий имевших тесные связи. И поэтому в начале 1993 года, несмотря на все причины для конфликта, лидеры обеих стран успешно вели переговоры, устраняя разногласия. В это время на территории бывшего Советского Союза шли серьезные бои между мусульманами и христианами, напряженность, доходившая до прямых столкновений, определяла отношения между западными и православными христианами в Прибалтике, но между русскими и украинцами дело до насилия не дошло». То, чего не случилось в отношениях между Россией и Украиной тогда, произошло через 20 лет. Этот пример не опровергает утверждения о цивилизационных основах современных конфликтов, но он, как и множество аналогичных примеров в других регионах, показывает, что

движущими силами мировой политики остаются национальные интересы, а ее субъектами — национальные государства.

Цивилизационно-культурный фактор в международной политике действительно оказывается более важным, чем идеологический, но не сам по себе, а благодаря тому, что он приобретает решающее значение в консолидации национальных государств. Нации-государства, как и прежде, остаются решающими субъектами мировой политики, только они связывают свое самоутверждение преимущественно с тем, что защищают ценности своей культуры и цивилизации. В той мере, в какой можно говорить о столкновении цивилизаций, его субъектами остаются национальные государства.

5. Глобальные интересы и вызовы упираются в партикуляризм и конфликтность национальных интересов. Вопрос о возможности адекватных ответов на них оказывается вопросом о возможности преодоления национальных разделений в более высоком синтезе. Будет ли когда-нибудь национальная разобщенность преодолена в некой сверхнациональной (постнациональной) общности, подобно тому как нации преодолели этноплеменную разобщенность, а многообразие языков дополнено неким единым для всех эсперанто? Это на сегодняшний день сценарий если не полностью закрытый, то маловероятный. В общественном сознании его не существует даже в виде утопии. Движение идет скорее в обратном направлении, о чем свидетельствуют опыты Советского Союза и Югославии.

Такой же проблематичной и еще менее вероятной остается возможность социальной консолидации человечества вокруг одного (единого) властного центра легитимного насилия, образование некоего государства в мировом масштабе. Опыт говорит о том, что открываемые глобализацией возможности рассматриваются доминирующими сегодня нациями-государствами как шанс получить такое превосходство в военной силе, которое позволит наконец осуществить те всемирные имперские амбиции, которые в прошлом, как считается, терпели крах из-за отсутствия соответствующих технологических средств. Господствующие в российском обществе идеи и настроения исходят из того, что государствоподобное всемирное объединение, будучи нереальным, к тому же еще и нежелательно, что оно стало бы формой культурной деградации.

Словом, человечество как социальное целое складывается объективно, в силу законов общественного развития, о чем, в частности, свидетельствуют процессы глобализации. Но его нет в качестве субъекта социального действия, и его возможность стать таким субъектом блокируется национально-государственной и цивилизационно-культурной разнородностью. Нации-государства (сами по себе или даже если бы им удалось сгруппироваться по цивилизациям), может быть, в состоянии объединиться для решения какой-то отдельной угрозы, такой, например, как опасность глобального потепления, но они в принципе не могут стать устойчивым объединением, действовать как целое. В этом отношении социальная эволюция, как представляется, подобна биологической: ведь существование человека

как вида гарантировано его разнообразием, в то числе и тем, что он существует в виде многих «стад», а не сбивается в одно.

Если даже предположить, что человечество станет объединенным под некой единой общепризнанной властной инстанцией, то и в этом случае оно бы не приобрело качества, позволяющего ему адекватно отвечать на глобальные угрозы. Такие угрозы, как и любые события большого исторического, а тем более общепланетарного масштаба, являются объективным итогом, своего рода равнодействующей практически бесчисленного количества единичных (индивидуальных и групповых) действий и отличаются от них, как сумма отличается от чисел, из которых она складывается. Судьбы народов и государств не зависят от правителей, хотя последние, конечно, как-то влияют на них. Точно так же и судьбы человечества не могут зависеть от тех, кто будет им управлять, сколь бы разумными те ни были. Социология и философия истории говорят о том, что организация больших масс людей подчиняется своим объективным законам и общественное развитие надо рассматривать как естественно-исторический процесс.

6. Единство человечества, маловероятное или вообще исключенное на коллективном уровне и в форме общеобязательных юридически гарантированных управленческих решений, может стать реальностью, действенной силой на индивидуальном (личностном) уровне и в форме нравственно ответственной позиции. Поскольку в ответ на глобальные угрозы требуются разумные действия человека, коренящиеся в его свободе воли, то они только и могут существовать в форме нравственного ядра его общественного поведения. Человечество как идея и идеал существовало давно, по крайней мере начиная с так называемого осевого времени. Если говорить, например, о европейской культуре, то можно сослаться на философские абстракции человека, монотеистические взгляды на его происхождение и божественное предназначение, выдающиеся гуманистически ориентированные эстетические и нравственные опыты. В настоящее же время в контексте вызовов глобализации речь идет о том, чтобы то, что было идеей и идеалом, стало самоочевидной повседневной практикой.

Понятие человечества может наполниться адекватным содержанием и стать реальностью, приобрести действенную силу только при условии человечности всех составляющих его индивидов. Отвечая на вопрос: «Что такое человечество?», мы можем сказать: человечество — это человечность. Здесь снова уместна аналогия с биологической эволюцией: природа гарантирует сохранность вида тем, что видовые признаки закреплены (заложены, закодированы) в организме каждой особи. Также действует и социальная эволюция — с той лишь разницей, что она не закладывает человечность в качестве родовой сущности человека изначально в каждого индивида, а предполагает в качестве его свободного решения.

Человечность людей как путь, благодаря которому человечество приходит к единству и обретает свою историческую субъектность, кажется утопической.

В действительности же этот путь вполне реалистичен, и его реализм заключается в том, что другого нет. Другой путь приведет к гибели, и человечество сегодня идет по нему. Суть этого пути состоит в том, чтобы добиться сплоченности и единства действий в масштабе человечества силой внешнего принуждения. Если человек отличается от механических тел и от других живых существ, если наличие в нем разума и души что-то всерьез значит и призваны придать вселенной новое качественное состояние, то отсюда как минимум следует, что он может сам задавать условия своего существования, а не только подчиняться внешним воздействиям, а также инстинктам и желаниям своего тела.

7. По крайней мере два возражения против самой возможности человечности как действенной, работающей универсальной нормы требуют аргументированного ответа. Во-первых, от нормы нет прямого перехода к поступку. Поступки всегда индивидуализированы, единственны, как и сами индивиды, которые их совершают. Во-вторых, тот партикуляризм национальных и иных культурно детерминированных интересов, который, как уже отмечалось, блокирует их общечеловеческий синтез, получает также выражение в поведении представляющих эти интересы индивидов.

Оба возражения снимаются, если рассматривать человечность в контексте негативной этики и понимать не как содержательную позитивную программу, а как совокупность безусловных запретов. Запрет является особой нормой, так как он может прямо, без опосредования частной посылкой перейти в поступок, который заключается в не-делании чего-то. Для того чтобы подчиниться запрету на определенные поступки, индивиду не требуется ничего дополнительного (особого), кроме собственной воли следовать этому запрету. Говоря о действенности запретов в общем смысле, речь, следовательно, можно вести только о том, относятся ли они к очевидным в своей определенности конкретным поступкам и принимаются ли индивидом в их обязывающей силе. Что касается конкретно человечности как выражения родовой сущности человека, то вопрос сводится к следующему: может ли она воплотиться в запретах, способных стать нравственно обязывающей индивидуальной позицией?

Человечность или гуманность в широком смысле является синонимом моральности и может быть расшифрована как любовь к человеку, совершение добра для его блага. Однако это общее положение является недостаточным для того, чтобы решить, как вести себя, какое совершить действие в той или иной ситуации. Легко догадаться, что, например, верующий отец и свободомыслящий отец, одинаково любя каждый своего ребенка и желая ему добра, будут рассказывать им разные истории и давать читать разные книги. Также будут разными в рамках той же самой общей нормы действия отца-христианина и отца-мусульманина. Вполне естественно и нравственно желать блага своему отечеству и соотечественникам, однако в рамках такой установки в истории России одни общественные деятели призывали оградить Отечество от западного влияния, другие, напротив, всячески культивировать такое влияние. И так едва ли не во всех вопросах и ситуациях,

что вполне нормально: разные люди — разные мнения, разные позиции. Иначе предстает проблема человечности, если перевести ее на язык запретов, что, впрочем, этика и делала издавна, формулируя свои кодексы поведения.

Существуют как минимум два запрета: на насилие («Не убий») и на ложь («Не лги»), которые однозначны в том, что из них следует (чего должно не делать) для того, кто принимает их, и которые, безусловно, вечны, ибо утверждают человечество в лице каждого человека. Они задают не содержание поступка, а толь-

ко архитектуру отношений между людьми — такую, которая нацелена на поддержание человечества во всей полноте составляющих его индивидов. Понятая таким образом человечность не противоречит и не исключает многообразия партикулярных интересов и ситуаций, напротив, она санкционирует их возможное разнообразие. Смысл этих запретов заключается в том, что они блокируют действия, которые отлучают индивида от родовой сущности, как если бы он сам был больше, чем человек. Они включают индивида в человечество, не позволяя ему в то же время возвыситься над ним.